

Г. В. Наумова¹**ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И РЕЛЯТИВИЗМЕ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ
В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА МИРА К МНОГОПОЛЯРНОСТИ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И РОССИИ**

Недавно вышла в свет моя книга «Мне нужны простые человеческие ценности»² — своего рода хрестоматия западной интеллектуальной мысли второй половины XX века. В ней рассказывается о встречах и беседах в течение последних 30 лет с выдающимися мыслителями нашего времени во всем мире. Мнения некоторых из них будут представлены в настоящем докладе. Это французские мыслители и философы социолог Э. Морен, лингвист Ю. Кристева, социальный критик Поль Вирильо и лауреат Нобелевской премии, писатель и общественный деятель Эли Визель.

С российской стороны — Д. Гранин, которому посвящена моя книга «Мне нужны простые человеческие

ценности» (это цитата самого Гранина) и Д. С. Лихачев, которому посвящаются наши Чтения. Моя встреча и беседа с ним впервые произошла в доме Д. А. Гранина в ноябре 1996 года, и его слова, записанные мною тогда, звучат сегодня с особой значимостью для определения ценностей русской культуры на новом, решающем историческом этапе.

Вопрос о человеческих ценностях на протяжении всей истории цивилизации стоит в центре международного дискурса, он занимает не только мыслителей, но и политиков, стремящихся решать насущные проблемы и конфликты человечества. Кажется, все просто: ведь все люди должны руководствоваться универсальными законами: не убий, не укради; родители хотят счастья своим детям, а дети, в свою очередь, заботятся о родителях и т. д. Но дальше начинаются разночтения. У каждой культуры есть свои особенности и приоритеты, выработанные веками. Потому существует два научных подхода: универсализм и релятивизм.

Напомню, *культурный релятивизм* — направление в антропологии, признающее все культуры равными, оно отрицает этноцентризм североамериканской системы и использует систему антропологических констант и принцип культурных особенностей, исторических, религиозных и т. д. Ведь история, как и писал Н. М. Карамзин, «в некотором смысле есть священная

¹ Писатель, культуролог, президент ассоциации Miracles (Франция), кандидат филологических наук. Инициатор и организатор международных проектов под эгидой ООН и ЮНЕСКО, направленных на укрепление взаимопонимания и коммуникаций между Россией и странами мира в сфере науки, культуры и искусства, в т. ч.: «На пересечении культур: Франция, Россия, Германия» (2003–2010), «Понимание „прогресса“ в разных культурах» (конференции в Калькутте, Александрии, Ла-Пасе, Найроби); «Интеркультурная визуальная библиотека XX века» (1997–2007) и др. Автор книг, изданных на разных языках, в т. ч.: «Мне нужны простые человеческие ценности», «Книги знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени» и др.; переводчик работ известных представителей современной западной мысли. Соучредитель благотворительного фонда «Ковчег» (Санкт-Петербург).

² Наумова Г. В. Мне нужны простые человеческие ценности. М.: Прогресс-Традиция, 2022.

книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству».

Универсализм же, напротив, утверждает существование внекультурных и вненациональных общечеловеческих ценностей.

Спор между релятивистами и универсалистами — одна из постоянных проблем международного права, и понятно почему. Проблема доминирования Америки — это проблема универсального распространения по всему миру западных ценностей, которые далеко не являются ценностями всего мира, всех культур.

Основоположник структурализма, самый знаменитый антрополог XX века Клод Леви-Стросс, заставивший мыслящий Запад усомниться в неоспоримом превосходстве западной культуры над другими культурами, в частности архаическими, не жаждал тем не менее соседствовать с ними в непосредственной близости, открыто говоря при нашей встрече о том, что экзотика хороша в своем естественном амбьянсе, а не по соседству, на лестничной клетке твоего дома.

Насаждая во всем мире свои ценности, а именно: *технократию* (власть техники над человеком), *безбожие* (сегодня уже открытый сатанизм), *разрушение традиционных ценностей* (семьи, отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми), *культ потребления, культ секса и насилия* и т. д. Запад сегодня сам оказался в ловушке своей глобалистской политики, планомерно проводимой в течение XX века и особенно усилившейся в новом тысячелетии. Этнические и религиозные конфликты XX века, спровоцированные политикой Запада, ставшие ответом не-Запада на глобализацию и неолиберализм, сегодня вылились в очевидный для всех всеобъемлющий кризис капитализма, который, по мнению международного экспертного сообщества, практически подходит к своему историческому завершению. В этом смысле известную фразу Фрэнсиса Фукуямы, ученика Самюэля Хантингтона, *о конце истории можно понимать в смысле исторического завершения монополярного многовекового доминирования Запада*.

Процесс этот будет длиться долго. Атмосфера кризиса переходного времени отчетливо ощущается в расщеплении сознания и восприятия. Кризис — это суд, в переводе с греческого это сущностное выявление ошибок и перспектив.

После падения должно быть восхождение, и здесь важно не пропустить момент, нельзя сидеть сложа руки и ждать, надо трудиться душой и разумом, не оставаясь равнодушным ни к чему.

Формально мы вошли в фазу глубинного кризиса капитализма, который открывает, однако, новые неожиданные повороты.

В своей книге «К пропасти?» Эдгар Морен описывает процесс *метаморфозы*, превращения гусеницы в бабочку как метафору рождения нового мира, которое происходит всегда в муках и крови, сопровождаемая целым комплексом *непредвиденных и непредсказуемых явлений*.

Эгоистическая цивилизация себя исчерпала. Что дальше?

Десять дней назад, 12 мая, после долгого перерыва я снова встретилась в Париже с Эдгаром Мореном, последним из могижан французской интеллектуальной критической мысли. Через месяц ему исполнится 102 года! Суть метода Морена — в *комплексном и контекстном мышлении*, необходимости реформы мышления во имя спасения человека и жизни на планете. Для выполнения этой сложной задачи он призывает всех граждан Земли развивать *планетарное мышление*, ответственность за природу и жизнь на земле, предлагая план конкретных действий, изложенный им в книге «К политике цивилизации».

Нас связывала многолетняя дружба и множество проектов, в том числе в России. Мы несколько лет не виделись и, воспользовавшись столь редкой возможностью (Морен давно не жил в Париже и редко бывал здесь), я задала ему несколько наиболее актуальных вопросов.

В нашей беседе Морен был озабочен высочайшим уровнем «беспрецедентной, колоссальной *деградации демократии*» в западном мире. «Но нам всегда остается надежда на непредвиденное. Сейчас *период выживания*», — заключил он.

Затронув тему оценки позиции Запада в отношении Украины и России, Морен признал, что «*западные СМИ замалчивают преступления украинских нацистов* и, напротив, по поводу и без повода бесконечно критикуют Россию».

Совершенно *неприемлема* с точки зрения французского интеллектуального сообщества, подчеркнул Морен, *политика русофобии* и отторжения культурных ценностей русской культуры, литературы, музыки.

Морен, как и его старинный друг Ги де ла Шевалери, в квартире которого на Монмартре происходила наша встреча, в прошлом дипломат, работавший в Бразилии, Южной Африке, подтвердил со своей стороны, что «французы любят Россию и ее культуру», что «*Россия и русская культура ближе Европе и Франции, чем Америка*».

Морен рассказал также, что он читает и перечитывает «Братьев Карамазовых», со слезами говоря о Достоевском: «Какая глубина, какие чувства!» Немало удивил, заявив, что читает также и высоко ценит Юлиана Семенова.

Морен нелестно, но все же деликатно отозвался о Макроне, назвав его молодым и неопытным президентом, который «попытался что-то сделать, но не получилось».

Говоря о современных западных лидерах, мы вспомнили фразу В. Гомбровича: «Незрелость и инфантильность — вот две черты, которые наиболее точно характеризуют современного человека».

Расстались мы на высокой ноте: «Vive la libreté, amitié, fraternité et l'humanité. Dieu va nous aider!» («Да здравствуют свобода, дружба, братство и человечность! И да поможет нам Господь!») — *Примеч. ред.*

Фактически Морен еще раз подтвердил выжидательную позицию всего мира: «Все ждут и смотрят друг на друга. Сейчас наступил период рефлексии относительно самой сущности и смысла будущего человечества. Нельзя при этом забывать уроки истории.

В период становления неизбежно возникают болезни, такие как нацизм. Сегодня он воспринимается в качестве врожденной болезни европейской культуры, а вовсе не в виде симптомов, связанных с Третьим рейхом. Гитлер, по его собственному признанию, следовал урокам своих британских учителей, не скрывал своего восхищения британским расизмом и колониализмом».

Современный мир находится в кризисе, и Россия — часть этого процесса. Многое зависит от международной ситуации, возможного распада Евросоюза, выборов в Америке и ее конфликта с Китаем. По выражению Джеффри Закса, «США проявляют невротическую реакцию против Китая, у которого 18 % мирового продукта против 15 % у США». Китай, так же как и Россия, не собирается захватывать мир, но Америка учит этому будущую элиту.

Но самое страшное — это сформировавшиеся общества зомби, во главе которых стоят политические лидеры-зомби. Ситуация абсурда, по Кафке, когда дипломатия, мировые договоренности бессильны и бессмысленны.

Ситуация зомби-человека: когда вопрос «Где истина?» тождествен вопросу «Где уборная?» Это метафора Мераба Мамардашвили, который также сказал: «Свобода — это принцип внутреннего достоинства и этики в рамках человеческой цивилизации». Но проблема в том, что сама западная цивилизация и человеческое в ней находятся под смертельной угрозой.

А что с Россией?

Двадцатый век показал, что выигрывают общества со стратегическим мышлением. Если у тебя нет тактики, то рано или поздно ты становишься жертвой чужей стратегии. Поэтому первостепенными задачами являются выработка стратегии и идеологии и объединение усилий всего общества.

Во времена кризиса в России всегда происходит консолидация, объединение, общность. Этот механизм имеет глубокие корни социоисторических особенностей формирования русской культуры. Вспомним дуальные модели функционирования русской культуры по Ю. Лотману. Чем больше давление извне, тем сильнее сплочение общества. В испытаниях появляется новый тип человека. И при этом всегда открытый финал. В период кризиса многое зависит от каждого.

Вернемся к вопросу о культурных ценностях в понимании культуры как механизма передачи традиционных ценностей. Некоторые исследователи пришли к выводу, что в 1990-е годы вымирание в России было обусловлено отсутствием ценностей или отказом от традиционных ценностей.

Людям нужен достойный образ будущего. Нужно сначала нарисовать его, прежде чем строить. Пока все только говорят о необходимости. В действительности у нас нет стратегии, ни экономической, ни идеологической, ни культурной, и предстоит огромная *интердисциплинарная работа* историков, антропологов, экономистов, этнологов, психологов и т. д.

Много вопросов: например, если мы говорим о семье как одной из основ нашей культурной традиции. В чем ее отличие? Ведь основой мафии и глобалистов тоже является семья.

Далее: о какой традиции идет речь, традиции какого времени? Тысячелетняя традиция русского народа и других народов России? Каких народов? Вопросы свободы, равенства и многие другие.

Это уже *идеологическое строительство*. Смыслы и цели должны быть выяснены.

К вопросу о правах человека и достоинстве. В послевоенной Всеобщей декларации прав человека ООН определяет общие права и ценности: права человека, гуманизм... Замечательно. Но эти определения давно не отвечают реальным вызовам времени. Потому что определение прав человека сталкивается с таким важнейшим фактором, как человеческое достоинство. И понятие о человеческом достоинстве в разных культурах, как бы это кому-либо ни показалось странным, разное. Оно определяется историей, религией народа, его традициями и культурой, то есть всем *комплексом антропологических констант, характеризующих отношение к смерти, времени, отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, рабочую этику* и т. д. Чтобы было более понятно, о чем идет речь, приведу пример.

Во французском языке нет слова «родина», есть слово «отечество» — *patrie*. Нет слова «совесть», есть слово «сознание». То есть то, что идет рука об руку *со знанием*. И тогда логичным кажется утверждение Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую».

Как можно взывать к совести, если в культуре нет этого понятия как такового? Зато есть слово «флирт», которое пришло к нам из французского. Однажды мне пришлось долго объяснять весьма образованным и сведущим людям, что для русской культуры это чуждое понятие, привнесенное извне. Что есть понятие любви, которое понимается в русской традиции как сочувствие, со-страдание. Поэтому ключ к пониманию нашей культуры скорее «Я чувствую, следовательно, я существую». И *совесть* созвучна с *вестью*. Благой, конечно, от Бога. Потому и живут счастливо те, кто живет по совести, по Божьему закону.

А слово «русский», обозначающее национальность, и вовсе является прилагательным, а не существительным. Оно, так сказать, прилагается к другим национальностям, обозначаемым существительными: татарин, еврей, тувинец, немец, американец, китаец, японец, испанец, француз и т. д. Не случайно Сталин говорил: «Я — русский грузинской национальности».

Об этом писал и Д. С. Лихачев, определяя миссию России тем, «что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России, сложившаяся в условиях многонациональности, служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным».

Нет необходимости говорить о моих чувствах при первой встрече с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, при жизни ставшим моральной инстанцией, человеком, личность и творчество которого являются достоинством русской культуры. Самое яркое, что мне запомнилось при личной встрече с Дмитрием Сергеевичем, — это скромность, естественность, простота, искреннее внимание и интерес к собеседнику. И еще особая чистая речь, совершенно лишённая слов-паразитов.

Его труды особенно актуальны сегодня, они играют важную роль в культурной самоидентификации россиян, осознании сути русского менталитета и духовных ценностей.

Мне была очень близка и понятна его мысль об уникальной восприимчивости русскими опыта других народов, и это отражение национального гения нашло наиболее яркое выражение в феномене Пушкина, охватившего все богатство бытия, включая достижения других культур. Его определение миссии России остается актуальным и в наше время радикальных исторических перемен. Академик Лихачев писал: «Эта культура, являясь воплощением высших форм человеческого духа <...> содержит в себе прообраз модели будущего мирового развития».

После встречи я записала в своем дневнике некоторые его мысли:

«Хорошие люди созданы для хорошего. Мало хороших людей стало».

Упадок культуры, поведения, любви к чтению, замена бездумным смотрением телевизора.

Смысл существования нации, народа — только в культуре. А в чем другом существование государства?

Что важно — это искренность, простота и непосредственность. Не думать, как выглядишь, чтобы произвести впечатление.

Совесть удерживает человека от падения, от всего низменного.

Что делать? — Не отчаиваться. Переход от одной культуры к другой совершается с болью. Старого не вернуть.

Пожелание сохранить достоинство. Не просто сохранить спокойствие, но сохранить достоинство. Не позволять глумиться над другими, не разделять людей на образованных и необразованных, бедных и богатых. Достоинство человека в том, чтобы уважать человека».

«Спасибо, что вы меня понимаете», — сказал Дмитрий Сергеевич на прощание.

Те же слова «с надеждой на понимание» написал мне в своей книге о проблемах роста народонаселения в мире Сергей Капица при встрече в Париже. Такие слова обязывают не только к пониманию, но и к действию. Так же как и заветы Даниила Александровича Гранина, сподвигшего меня на труд в 800 страниц, в котором запечатлены события и образы времени, выдающиеся личности и их идеи, и особенно человеческие черты — это было особенно важно для Даниила Александровича. Так сохраняется память о людях и сам механизм передачи духовных человеческих ценностей.

Мы говорили о достоинстве. В чем *достоинство русского человека*? Мы медленно возвращаемся к своим корням, вспоминаем себя в детстве, вспоминаем сказки и колыбельные бабушек, берем в руки старые учебники, детские книжки и игрушки. Как же они изменились сегодня! Наши дети и внуки растут в мире, который зашел в тупик. И далеко не все осознают это. А нам пора проснуться, всем вместе и каждому в отдельности, и задать себе вопрос: в каком мире мы хотим, чтобы жили наши внуки, вся наша огромная стра-

на? И предложить каждому ответить на вопрос: что для него самое главное, от чего мы ни при каких условиях не можем отказаться? И мы увидим тогда, что если глубоко и серьезно отнестись к вопросу, то такие ценности, как *достоинство, правда, справедливость, вера, память, родина, семья, дети, родители, сострадание, солидарность, уважение, любовь, дружба*, прозвучат в ответах россиян. Эти ценности вписаны в наш генофонд, это наш культурный код. Отказ от своих предков — это отказ от своего рода, от своей истории и своей традиции. Это конец. Будущего нет.

Сегодня особенно важна тема памяти, представленная не только Д. А. Граниным и Д. С. Лихачевым, но и французским философом и лингвистом Юлией Кристевой с ее призывом к «революту» — бунту против того, что происходит вокруг, и необходимости подвергать все анализу и сомнению. Вспомним и лауреата Нобелевской премии мира, писателя и общественного деятеля еврейско-румынского происхождения Эли Визеля, узника Освенцима, рассказавшего в своих книгах об ужасах нацизма. Целью его жизни стал долг сохранения памяти о погибших, предупреждая тем самым мир о новой опасности.

«Противоположность любви, — писал он, — не ненависть, а безразличие. Противоположность красоты — не уродство, а безразличие. И противоположность жизни — не смерть, а безразличие и к жизни, и к смерти».

Я не могу поверить, что за каких-то 20 лет мир изменился до неузнаваемости. Близкий друг Миттерана, богатых и власть имущих людей в мире, основавший с их поддержкой *Универсальную академию культур* в Париже, своими выступлениями и воспоминаниями 16-летнего мальчишки о лагере смерти Визель пробуждал в людях бдительность и обостренную реакцию на малейшие проявления нацистско-фашистской идеологии. Ведь «если слушаешь свидетеля, сам им становишься», говорил писатель.

Но Эли Визеля уже нет в живых, он уже не бьет в набат на самом высоком уровне, сегодня открыто поддерживают нацистов и западные правительства, и Папа Римский. Нет в живых и большинства свидетелей нацистских преступлений, мало осталось и наших ветеранов Великой Отечественной войны. И вспоминается мне тогда, много лет назад, странное высказывание одного американского участника на международном форуме: «Старики скоро уйдут, а с молодежью мы разберемся».

Разбирались по хорошо продуманному и подготовленному плану, помня заветы Бисмарка и Черчилля: «Извне русских победить невозможно, мы все это знаем. Но их можно направить по неверному пути».

И нас в очередной раз направили. Сначала соблазнив прелестями западной сладкой жизни, которая, по сути, есть утопия — хорошо там, где нас нет. Разрушив Союз и солидарность людей, отгнав традиционные ценности, тщетно, но все же не без успеха, пытались привить чужеродные ценности в жизни, искусстве, воспитании, в отношениях людей. Пытались отнять веру и образование. И также весьма преуспели. Ведь недаром писали русские философы о чрезвычай-

ной отзывчивости русской души и ее женственной податливости. Как, например, Георгий Флоровский в своем труде «Пути русского богословия»: «Русская душа подвижная, легкоплавающая, женственная... В странствиях по временам и народам слишком многое привлекает и увлекает ее, удерживая в небытии. Слишком привыкли русские люди томиться на перепутье... *Нужна аскеза, отрезвление и собирание души*».

«Русского человека разрушает удобство, рациональность, роскошь. Ему нужен этот противовес к его потенциальной внутренней силе. Когда нет трудностей, которые он должен преодолеть, несмотря ни на что, то сила эта уходит, трансформируется в бездеятельность, пустые разговоры, тоску и так называемую ностальгию».

Думаю, что русские религиозные философы Шестов и Флоровский абсолютно правы, полагая, что исход для русского человека — в аскезе, собирании души. Русский человек как раз таков, что «голод, холод, тяжелая работа, бессонница пробуждают в нем чудовищную силу».

Именно эта сила духа русского человека и есть та загадка и тайна, которую никак не может разгадать Запад и из века в век, отчаявшись, пытается уничтожить Россию. Нам пора понять это и не набиваться в друзья, мы никогда ими не станем. Но разумно, рационально, на основе уважения и равноправия, а главное — с учетом СВОИХ национальных интересов стремиться строить новый, более справедливый мир.

И еще один вопрос имеет значение — это вопрос скорости. Аналитики в шутку говорят: «Победит тот, кто упадет последним».

А Поль Вирильо (Paul Virilio, 1932–2018), французский философ и социальный критик, специалист по урбанистике и стратегическим вопросам, касающимся новых технологий коммуникаций, считает, что «если время — деньги, то скорость — это власть». С его мышлением мне хотелось бы связать свою веру в будущее Франции и Европы.

Свой философский дискурс на стыке физики, философии, политики, эстетики и урбанизма Вирильо называет дромологией. Этот оригинальный подход основан на теории скорости, разработкой которой Вирильо занимался несколько десятилетий и которая принесла ему мировую известность. Основной идеей является понимание скорости как репрезентации работы социально-политической машины, обладающей разрушительной силой. В своей книге «Война и телевидение» (1999) П. Вирильо проводит удивительные параллели между развитием военной техники и кино.

Вирильо — христианский философ. Своим скептическим взглядом на будущее он снискал себе признание пророка несчастий, гуру негативного. В нашей беседе он рассказал о себе так: *«Я не гуру и не пророк. Я — дитя своего времени, страхи которого я несу в себе и выражаю их в свойственной мне манере. Я пережил Вторую мировую войну в возрасте от 7 до 13 лет в условиях, которые были абсолютно ирреальными, которые сложились под влиянием манипуляций и фальсификаций и разрушали всякую веру в реальность, в непосредственность происходящего.*

Мы жили в Нанте, который заняли немцы, а союзники, которые прилетали издалека, появляясь на небе в боевых самолетах, во имя свободы сбрасывали бомбы на город. Внизу враг в оккупации мучил нас своей пропагандой, а наверху друг спасал нас, сбрасывая бомбы, которые разрушали город и убивали людей. Мальчик, которым я был тогда, не мог поверить своим глазам и все время спрашивал себя, где он может найти опору среди этих феноменов обмана. Этот мальчик с предельной подозрительностью наблюдал за тем, что претендовало быть реальностью — и он сохранил в себе эту установку. Эта манера остается моей до сегодняшнего дня.

Последовавшие после 1945 года исторические события способствовали тому, чтобы мы еще больше утвердились в этой точке зрения. За войной, как известно, последовало течение последующих 40 лет, мы находились в конфронтации с тем мифом, который проявил себя как реальность. Опасность состояла в том, что мы видели не только города Хиросиму или Нагасаки превращенными в кучку пепла, но и всю землю: конец мира мог наступить в любой момент. И снова мы должны были сомневаться в здешней пропаганде, так как она основывалась на логической схеме, согласно которой зло находится на Востоке, а добро — на Западе. Такой тип манихейства давал все основания держаться по отношению к нему в оппозиции и разрабатывать другой образ мышления между этими обеими противоборствующими идеологиями. Именно это я и сделал. Я обратился к христианству. В 1950 году благодаря рабочим священникам я обратился в веру. Так как я происхожу из левой среды, я был поставлен перед альтернативой выбора: марксизм, коммунизм и тоталитаризм либо вера. Я выбрал последнее».

Говоря о главных угрозах XXI века, Вирильо цитирует Эйнштейна, который назвал три бомбы — атомную, информационную и демографическую, которую Вирильо называет генетической бомбой. «Генетическая бомба получила развитие на базе бомбы компьютерной, поскольку только компьютеры позволяют производить расшифровку и манипулировать ДНК. Почему тогда несчастный случай, спровоцированный информационными технологиями, последствия которого оказали бы воздействие на весь земной шар, не может стать причиной войны в известной мере как продолжение политики, только другими средствами? Виртуальные реальности — это тоже инструмент, который может блокировать знания и энергию. В рамках охватившей весь мир коммуникативной системы тот обладает сверхвластью, кто в одно мгновение может прервать виртуальную сеть»¹.

В заключение, несмотря на реалистичные скептические прогнозы Вирильо, хочется больше верить в рационально оптимистическое видение Морена относительно будущего Европы и мира. Как противовес концепциям столкновений и разрушений звучит призыв Э. Морена ко всем обитателям планеты Земля «жить

¹ См.: Барлевен К., Наумова Г. Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / сост. К. Барлевен, Г. Наумова; пер. с фр. Г. Наумовой. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

поэтически», предложившего сменить политику войны на политику спасения общего дома землян! «Планета Земля — наше общее отечество. На космическом корабле под названием „Планета Земля“ человечество

должно быть не пилотом, а штурманом. Землей должна управлять жизнь, человеком должно управлять сознание. Реформа мышления — ключевая антропологическая и историческая проблема».